опроса в сочетании с более объективным методом – контент-анализом личных страниц пользователей.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-411-543002 «Исследование самораскрытия в профиле на примере социальной сети "ВКонтакте"»

1. Chang C. W., Heo J. Visiting theories that predict college students' self-disclosure on Facebook, *Computers in Human Behavior*, 2014, Vol. 30, P. 79–86.
2. Derlega V. J., Grzelak J. Appropriateness of self-disclosure in Self-disclosure: Origins, patterns, and implications of openness in interpersonal relationships, (ed. Chelune GJ). 1979. P. 151–176.
3. Bazarova N.N., Choi Y.H. Self-disclosure in social media: Extending the functional approach to disclosure motivations and characteristics on social network sites // *Journal of Communication*. 2014. Vol. 64. No. 4. P. 635–657
4. Сапон И.В., Леденев Д.Е. Особенности самораскрытия в профиле социальной сети у пользователей различных поколений (X, Y, Z) // *Психология человека и общества*. 2020. №. 3. С. 33–40.
5. Курносова Е. Социальные сети в цифрах, 2019 г. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Екатерина%20Курносова_РИФ+КИБ%202019.pdf (дата обращения: 29.04.2020).
6. Lampe C. A. C., Ellison N., Steinfield C. A familiar face (book) profile elements as signals in an online social network // *Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems*. 2007. P. 435–444.
7. Masur P. K. The Theory of Situational Privacy and Self-Disclosure // *Situational Privacy and Self-Disclosure*. Springer, Cham, 2019. P. 131–182.
8. Schrammel J., Köffel C., Tscheligi M. Personality traits, usage patterns and information disclosure in online communities // *People and Computers XXIII Celebrating People and Technology*. 2009. P. 169–174.

Хлынин А.П.

Теоретические основы социологического измерения религиозной ситуации в Вооруженных Силах Российской Федерации

*Научно-исследовательский (социологический) центр ВС РФ
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-05-2020-249

idsp: ljjournal-05-2020-249

Аннотация

Статья представляет собой теоретическое обоснование социологического измерения религиозной ситуации в ВС РФ, которая понимается как результирующее значение характеристик личной религиозности и текущей религиозной обстановки в ВС РФ. В рамках изучения религиозной обстановки автор анализирует нормативные документы, регламентирующие функционирование существующего механизма работы с верующими в ВС РФ. С позиции анализа критериев религиозности автором обосновывается необходимость ее измерения на уровне самоидентификации и уровне объективных критериев.

Ключевые слова: Вооружённые Силы Российской Федерации; религиозная ситуация; измерение религиозности; военная социология.

Abstract

The article is a theoretical justification of the sociological dimension of the religious situation in the Armed Forces of the Russian Federation, which understands as the resulting value of the characteristics of the personal religiosity and the current religious situation in the Armed Forces. As part of the analysis of the existing religious situation, the author analyzes

the regulatory documents that regulate the functioning of the existing mechanism for working with believers in the Armed Forces. From the standpoint of hierarchical theories of measuring religiosity, the author substantiates the need to measure the religiosity at the level of self-identification and the level of objective measures.

Keywords: Armed Forces of the Russian Federation; religious situation; measurement of religiosity; military sociology.

Введение. В течение 15 последних лет принято говорить об эпохе нового религиозного ренессанса в Российской Федерации. Сторонники данной точки зрения подкрепляют ее многочисленными аргументами, такими как визуальное увеличение числа верующих, интенсивное восстановление и строительство новых религиозных храмов, рост медийности религиозных лидеров в отечественных СМИ, принятие новой статьи 148 УК РФ «Об оскорблении чувств верующих» и т.д. Действительно, нельзя отрицать того, что религия становится все более заметным фактором множества культурных и общественно-политических процессов, происходящих в реформируемом российском государстве. Материалы социологических исследований, проведенных за это время, также подтверждают это мнение: по данным социологического опроса ФОМ, в 2018 году доля верующих в целом по России составляла 73% от общего числа граждан, при этом доля православных христиан среди верующих составляла 86%, доля мусульман – 11%, доля остальных конфессий (католики, протестанты, униаты, баптисты и др.) в сумме составляла 3% [4, 1].

Возрастание роли Церкви наблюдается во всех сферах государства, в том числе и в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – Вооруженные Силы). За годы становления российской государственности, доля верующих военнослужащих с 1992 по 2003 годы увеличилась вдвое [1, 84-85]. Если в 2004 году только треть военнослужащих (33%) признана религиозными в большей или меньшей степени, то в 2016 году – уже 79% [3, 1].

Священники присутствовали в Вооруженных Силах практически с момента крещения Руси: религиозные элементы (по большей части православные) присутствовали почти во всех аспектах жизнедеятельности русского воинства, начиная от принятия присяги и заканчивая погребением усопших. В XVIII веке при Петре I получил официальное оформление институт военного духовенства, который органично просуществовал в структуре российской армии и флота вплоть до 1918 года. В этой связи исторический опыт использования религиозного потенциала в военном управлении доказывает свою целесообразность.

Целесообразность использования религиозного фактора в военном управлении во многом обусловлена положительным воспитательным потенциалом. Большинство религиоведов сходятся во мнении, что все конфессии, традиционные для Российской Федерации (буддизм, христианство, ислам, иудаизм) в основе своего вероучения содержат идеи, так или иначе способствующие формированию добродетельной личности, здоровой семьи и гармоничного общества: не убей, не укради, возлюби ближнего и т.д. Косвенным подтверждением тому служит, к примеру, официальная позиция Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в отношении воинского служения. С точки зрения РПЦ, военная служба является для православного христианина богоугодной при соблюдении заповедей о любви к ближним и готовности «положить душу за други своя», что является высшим проявлением жертвенности и христианской любви [8, 1-2].

Таким образом, учитывая стабильное увеличение доли верующих, возросшую значимость церковного института в Российской Федерации, положительный воспитательный потенциал традиционных конфессий и необходимость в полной и достоверной информации о религиозной ситуации для органов военного управления,

социологическое исследование религиозной ситуации в Вооруженных Силах год от года приобретает все большую актуальность.

Исходя из определения религиозной ситуации как «положения дел на исследуемом объекте, которое характеризуется наличием, типом (характером) и интенсивностью религиозных проявлений, динамикой и направленностью их изменений, характером и степенью их воздействия на исследуемый объект» [5, 1], целесообразно рассмотреть, во-первых, существующую религиозную обстановку в Вооруженных Силах, и, во-вторых, выделить основные аспекты религиозных проявлений у военнослужащих.

Анализ религиозной обстановки в Вооруженных Силах. Значительное, если не определяющее влияние на уровень, степень и характер религиозности военнослужащих оказывает религиозная обстановка непосредственно в Вооруженных Силах, важнейшими компонентами которой являются:

- 1) Возможность удовлетворения основных религиозных потребностей верующими военнослужащими;
- 2) Недопущение притеснения и оскорблений чувств верующих, либо неверующих военнослужащих.

В связи с увеличением количества верующих, в 2010 году в составе Главного военно-политического управления Вооруженных Сил, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации о введении (а по сути – восстановлении) института военного духовенства, было сформировано управление по взаимодействию с религиозными объединениями. Целью создания данного управления является «обеспечение права военнослужащих на свободу совести и свободу вероисповедания, а главными задачами являются:

- 1) Создание условий для реализации военнослужащими Вооруженных Сил конституционного права на свободу вероисповедания с учетом особенностей военной службы;
- 2) Организация духовно-просветительской работы с верующими военнослужащими;
- 3) Проведение мероприятий в рамках патриотического и нравственного воспитания военнослужащих на основе духовных ценностей традиционных религий России» [11, 8].

Помимо управления по взаимодействию с религиозными объединениями Главного военно-политического управления, «в структуру органов по работе с верующими входят отделения по работе с верующими военнослужащими военно-политических управлений военных округов и Черноморского флота, а также помощники командиров (начальников) соединений, воинских частей и организаций по работе с верующими военнослужащими Министерства обороны Российской Федерации (далее – Министерства обороны)» [11, 8].

Для выполнения поставленных задач органами по работе с верующими предусмотрен штат, в который входят гражданский персонал, священнослужители РПЦ, муфтии, ламы и раввины. Гражданский персонал сосредоточен в основном на выполнении задач по взаимодействию с одной стороны, с религиозными объединениями, а с другой стороны, с военно-политическими органами. Военные священнослужители, в свою очередь, занимают должность помощника командира части (корабля) по работе с верующими, в соответствии с которой непосредственно выполняют свои пастырские обязанности.

Стоит отметить, что по данным начальника управления по работе с верующими военнослужащими, на 2015 год в штате военного духовенства насчитывалось более 250 должностей, из которых 10 замещены гражданскими служащими, и 150 замещены военными священнослужителями, в числе которых 147 православных священника, 2 мусульманских имам-хатыба и 1 буддийский лама [10, 3].

В связи с тем, что штат военного духовенства предусмотрен по большей части для служащих, имеющих духовный сан, их деятельность определена, с одной стороны, нормативно-правовыми документами Министерства обороны, с другой стороны – нормативно-правовыми документами религиозных организаций (напр., Конституция РФ, ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», ФЗ «О статусе военнослужащих», Основы концепции работы с верующими военнослужащими в ВС РФ и т.д.).

К примеру, военное духовенство РПЦ, составляющее подавляющее большинство военных священников в Вооруженных Силах, в соответствии с Положением о военном духовенстве РПЦ в Российской Федерации, осуществляет свою деятельность на принципах добровольности, с учетом специфики военной службы и в соответствии с законодательством РФ. Главное предназначение военного священника заключено в том, чтобы стать духовным отцом для военнослужащих, а также помочь им осознать значимость долга по защите Отечества с точки зрения христианского вероучения. Кроме того, взаимоотношения православного духовенства с военнослужащими иных конфессий должны основываться на принципах взаимоуважения, а с представителями духовенства – на принципах взаимоневмешательства в религиозную деятельность [6, 3].

Основными задачами помощников командира части (корабля) по работе с верующими определены:

- 1) Совершение богослужений, Таинств и религиозных обрядов;
- 2) Духовно-просветительская работа;
- 3) Участие в мероприятиях по патриотическому и нравственному воспитанию;
- 4) Содействие в профилактической работе по укреплению порядка и воинской дисциплины;
- 5) Консультирование командования по религиозным вопросам;
- 6) Содействие формированию здорового нравственного климата в воинских коллективах и семьях военнослужащих [6, 3].

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать два вывода. Во-первых, наличие возможности удовлетворения основных религиозных потребностей верующих зависит от выполнения органами по работе с верующими следующих задач:

- 1) Создания условий для удовлетворения культовых религиозных потребностей верующими военнослужащими;
- 2) Создание условий для удовлетворения духовных религиозных потребностей верующими военнослужащими;
- 3) Создание условий для удовлетворения потребностей, связанных с получением новых религиозных знаний верующими военнослужащими.

Во-вторых, отсутствие притеснения и оскорблений чувств верующих, либо неверующих военнослужащих будет зависеть от выполнения органами по работе с верующими следующих задач:

- 1) Недопущения случаев ущемления права на свободу совести и вероисповедания;
- 2) Недопущения притеснения православным духовенством неправославных военнослужащих;
- 3) Недопущения наличия военнослужащих, проявляющих склонности к экстремизму на религиозной почве.

Анализ аспектов религиозности военнослужащих. Как уже было отмечено, религиозная ситуация не может быть абстрактной – она всегда привязана к какому-то конкретному объекту и характеризуется различными аспектами религиозных проявлений у военнослужащих, т.е. проявлениями *религиозности* верующих военнослужащих. В этой связи, определение религиозных проявлений военнослужащих требует:

- 1) Определения уровня религиозности военнослужащих;
- 2) Определения степени религиозности верующих военнослужащих;
- 3) Описания качественной характеристики религиозности верующих военнослужащих [2, 8].

Краеугольным камнем исследования религиозной ситуации является измерение *«религиозности»*, под которой понимается «определенное состояние отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему, а также их приверженность к религии, принятие ее вероучений и предписаний» [7, 3].

Под уровнем религиозности понимается отношение к религии определенных людей (групп людей). Как правило, уровень религиозности респондентов определяется процентным соотношением тех, кто обладает признаком религиозности ко всей совокупности респондентов. Однако какой именно критерий является определяющим, т.е. является таким, наличие которого определяет качественный переход из состояния «нерелигиозный» в состояние «религиозный»?

По мнению ряда отечественных авторов, таких как В.Ф. Чеснокова, Ю.Ю. Синелина, З.И. Пейкова, ключевым критерием религиозности респондента является его религиозная самоидентификация. По их мнению, «даже вопиющая религиозная безграмотность не может являться основанием для отказа респонденту в праве считать себя религиозным, поскольку он находится в процессе духовного самосовершенствования и следует по мере сил к целям, установленным Церковью» [9, 95]. Что касается таких критериев религиозности, как посещение храма, знание священных текстов, вера в загробную жизнь и т.д., то они относятся к глубине и формам верования, но не к направленности. Направленность, в свою очередь, заключается в самоидентификации респондента и имеет измерение «верующий-неверующий».

С другой стороны, группа ученых, представленная Н.А. Митрохиным, Д.Е. Фурмановым, С.Б. Филатовым, считает, что наиболее объективными критериями религиозности являются те, которые указывают на ее практическое подтверждение. В этой связи, «религиозная самоидентификация респондента является скорее мировоззренческой, идеологической позицией, чем религиозностью в прямом смысле этого слова, так как она не предполагает, что респондент разделяет соответствующие религиозные верования и практики» [12, 39-40]. Таким образом, наиболее точные критерии религиозности заключены в признаках религиозного сознания и религиозного поведения.

Оба подхода к выделению основного критерия религиозности имеют как недостатки, так и достоинства. Достоинство первого подхода заключается в «надконфессиональности» критерия самоидентификации, т.е. возможности адекватного измерения религиозности респондентов различных конфессий, однако её одномерность является существенным недостатком. К достоинствам второго подхода относится комплексность критерия религиозности, однако в перспективе стремление к максимальной объективности может привести к необоснованному увеличению числа фильтров канонических требований к верующему, а это приведет к тому, что «настоящих» верующих будет ничтожно мало. Соглашаясь с каждым вышеизложенным мнением, нам представляется целесообразным соединить оба подхода в один, проверяя степень религиозной самоидентификации респондента через оценку объективных критериев религиозного знания, сознания и поведения.

Понятие «степень религиозности» фиксирует, прежде всего, степень влияния религии на отдельного респондента (группу респондентов). Она определяется на основе проявления *критериев религиозности знания/сознания/поведения* и в нашем случае измеряется по шкале типологий религиозности Д.М. Угриновича, в соответствии с которой выделяется 5 групп по степени религиозности и отдельная группа противоречивых верующих [12, 141-142]. Что касается качественной характеристики религиозности, то она, помимо уровня и степени религиозности, несет

информацию о конфессиональной определенности, социальном контексте религиозности, мотивах и каналах получения информации религиозного толка, социально-демографических характеристиках верующих, религиозной толерантности.

Заключение. Социологическое исследование религиозной ситуации применительно к Вооруженным Силам является достаточно сложным, требующим учета всех влияющих на нее переменных. Возрастающая актуальность религиозного фактора и меняющаяся религиозная обстановка в Вооруженных Силах требуют адекватной социологической методики, способной выявить, во-первых, существующие тенденции религиозности среди военнослужащих, а во-вторых, обеспечить актуальной информацией органы военного управления о функционировании существующего механизма работы с верующими военнослужащими.

Предложенная модель измерения религиозной ситуации в Вооруженных Силах обладает всем необходимым для решения двух поставленных выше задач. Двухуровневый подход при определении религиозности военнослужащего является тем консенсусом, который помогает, с одной стороны, избежать субъективности респондента, а с другой стороны не приводит к нагромождению канонических требований к верующему. Это позволяет с максимальным приближением к действительности оценить как религиозность, так и ее степень среди личного состава. С другой стороны, оценка существующего механизма работы с верующими военнослужащими проводится в строгом соответствии с актуальными нормативно-правовыми актами, которые регламентируют его функционирование. Предоставленная концептуальная модель социологического исследования религиозной ситуации в Вооруженных Силах является основой для дальнейшей операционализации и составления опросного инструментария. Таким образом, все вышеизложенное дает основания для проведения дальнейших теоретических и практических разработок.

1. Веремчук В.И. К вопросу о взаимодействии военной службы и религии // Социологические исследования – 2003. – №12. – С. 84-91.
2. Веремчук В.И. Социологическое исследование религиозности военнослужащих: Учебное пособие: Воен. Ун-та – 2004. – 254 с.
3. Ерохин Е.Г. Религиозная обстановка в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военно-социологические исследования. – 2016. – №55. – С. 35-47.
4. Информационное агентство REGNUM. Верующими себя называют 73%, граждан РФ, православными – 63% [Электронный ресурс]. – URL: <https://regnum.ru/news/2520454.html> (дата обращения: 28.06.2019)/
5. Лопаткин Р.А. Религиозная ситуация // Доклад на международной конференции «Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии». – 2002. – С 1-5.
6. Основы концепции работы с верующими военнослужащими в Вооруженных Силах [Электронный ресурс]. – URL: <http://kapellan.ru/osnovy-koncepcii-raboty-s-veruyushhimi-voennosluzhashhimi-v-vooruzhennykh-silax-rf.html> (дата обращения: 28.06.2019).
7. Панкратова Е.В. Религиозность и религиозная самоидентификация / [Электронный ресурс]. – URL: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-> (дата обращения: 28.06.2019).
8. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html> (дата обращения: 28.06.2019).
9. Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения / Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 89-96.
10. Суровцев А.И. Доклад начальника управления по работе с верующими военнослужащими Главного военно-политического управления Вооруженных сил Российской Федерации на «военной» секции XXIII Международных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс]. – URL: <http://pobeda.ru/vzaimodeystvie-vooruzhennyih-sil-rossii-s-religioznyimi-obedineniyami-sovremennoe-razvitie-traditsii.htm> (дата обращения: 06.06.2019).
11. Суровцев А.И. Путь к духовности / Красная звезда. – 2019. – Специальный выпуск. – С. 8.
12. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. – 2-е изд., доп. – М.: Мысль, 1985. – 270 с.
13. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. – № 4. – С. 35-45.